

Ставки сделаны. Ставок больше нет.

Колесо судьбы запущено, и по большому счету совершенно не важно, в какую именно лунку попадет бегающий по кругу шарик.

Красное-черное, чет-нечет или даже зеро. На кон поставлена жизнь. Вся, без остатка. И каким бы ни был результат, сделанная ставка выиграет, а чужая проиграет.

Проигравший не должен обижаться. Игра есть игра. Когда-то давно он сделал свой ход. Неправильный. Фатальный. И то, что произойдет сейчас, — всего лишь расплата за ту давнюю ошибку.

Мельницы богов мелют медленно, но верно, а значит, наказание неотвратимо. Проигравший потеряет все. Игра началась.

* * *

Стрелки на часах подбирались к полудню, но ворох бумаг на столе не становился меньше, хотя Вера старательно пыталась их разгрести с полвосьмого утра. Она специально пришла на полчаса раньше начала рабочего дня, поскольку знала, что за время ее отпуска дел накопился вагон и маленькая тележка. В ее отсутствие никто даже не пытался их разбирать, а если даже и пытался, все равно нужно переделывать, потому что ни у кого и никогда не получалось сделать так, чтобы начальник остался доволен. Только у Веры, да и то не всегда. Далеко не всегда.

Подумав про начальника, Вера привычно вздохнула. Нет, не оттого, что он был тиран или самодур, хотя не без этого, чего скрывать. Начальнику положено вести себя как тиран и самодур, и Верин был еще не из худших. И влюблена она в него не была вопреки всем канонам жанра. Ей казалось невероятной пошлостью влюбиться в начальника, а Вера мнила себя девушкой стильной,

этакой тонкой штучкой, начисто лишенной даже намека на пошлость. Да и не нравился ей начальник, если честно. Ни капельки. В смысле – как мужчина не нравился, а как начальник – очень даже.

Вздых ее напрямую был связан исключительно с количеством работы, которую начальник на нее нагрузил. Этот воз она тащила покорно и безропотно, и с каждым днем он становился все больше и все тяжелее, потому что, казалось, ничего в их фирме не вертелось, не складывалось и не работало без Веры Ярышевой, личного помощника директора.

Она тихонько вздыхала, но никогда не роптала. Во-первых, потому что ее усилия, честно скажем, оплачивались очень неплохо, а по меркам их провинциального, далеко не столичного города – и вовсе отлично. А во-вторых, сам начальник, положив руку на сердце, работал еще больше, и Вера, составляющая графики его встреч, командировок, конференций, благотворительных мероприятий, тренингов, планерок и деловых обедов, не очень понимала, когда он, собственно говоря, спит.

Вопрос «с кем» как раз не вставал, потому что начальник был давно и прочно женат, как и положено, чуть ли еще не со школьной скамьи. И, кроме того, тоже как и положено, имел любовницу – молодую, с ногами от ушей, в которых блестели подаренные им бриллиантовые капли, с высокой грудью, накачанной попкой и не расплескавшейся глупостью в ярко-синих, как у куклы, глазах. При виде любовницы Вера всегда чуть морщилась, именно потому, что не выносила пошлости, а деви-

ца была, если можно так выразиться, стопроцентной ее квинтэссенцией.

Как-то Вера даже не выдержала и пробормотала это вслух, и начальник тогда услышал и страшно веселился, и подтрунивал потом над Верой и ее снобизмом – долго, чуть ли не полгода. И девица тоже услышала, но, к счастью, не обиделась, потому что не поняла, и надменно объяснила Вере, что пользуется не эссенцией, а самым настоящим парфюмом. Начальник в этом месте взоржал особенно громко и посмотрел с жалостью во взоре, вот только Вера не поняла, кому предназначался этот полный снисхождения взгляд – ей или все-таки любовнице.

Во всем остальном начальник обладал неплохим вкусом. Костюмы носил дорогие, обувь стильную, напитки пил в соответствии со статусом, машины покупал из соображений не пафоса, а надежности, курорты выбирал не по престижности, а по уровню комфорта, а друзей – не по толщине кошелька, а по интересам. Многие из них, как и жена, были рядом с ним со школьных лет, а никакое другое качество Вера не ценила в людях больше, чем верность.

В общем, выбор любовницы был единственным отклонением от того, что называется вкусом, но в такие тонкие материи Вера предпочитала не вторгаться. В конце концов, ее начальнические пристрастия не касались. К взаимному удовлетворению сторон, так сказать.

Она снова посмотрела на часы и удивленно нахмурилась. Теперь они уже показывали полдень, но начальник так и не изволил прийти на работу, что было ему совер-

шенно не свойственно. В те дни, когда он бывал в городе, а не мотался по филиалам их фирмы, работавшим в Питере, Москве, Екатеринбурге и Новосибирске, он всегда появлялся в офисе ровно в девять.

Вера снова сверилась с календарем, который составила еще до отпуска, и недоуменно пожала плечами. Павел Александрович Молчанский должен был сейчас находиться здесь, в своем кабинете, отделенном от приемной, где обитала Вера, тонкой перегородкой без двери. Работая, он привык орать ей, если ему было что-то надо. Не звонить по телефону, не писать сообщения, а именно орать, и тишина, вызванная его непривычным отсутствием, не пугала, конечно, но слегка нервировала. В ней было что-то неправильное, а неправильностей в работе и в окружающем пространстве Вера не любила.

Позвонить или не звонить? Вообще-то Вера не злоупотребляла своими служебными полномочиями и никогда не звонила Молчанскому просто так, без дела. Интересно, его неожиданное отсутствие на работе — это дело или нет? А может, он вообще в отпуск уехал? Сорвался с места посередине осенней хмари, разрывающей границу между осенью и зимой, чтобы вдохнуть жаркий воздух, поднимающийся от раскаленного песка где-нибудь в Занзибаре, нырнуть в теплые океанские волны и забыть обо всех заботах и проблемах.

Впрочем, никаких забот и проблем у начальника не было. Жизнь его шла по давно устоявшемуся расписанию. С надежными партнерами он дружил, конкурентов давно сожрал, налоговой не боялся, с властью не

заигрывал. Предприятие Павла Молчанского – крупная IT-фирма, разрабатывающая и поставляющая программное обеспечение и владеющая солидным куском российского рынка, – работала исключительно легально, платила «белую» зарплату и никогда не нарушала закон. Начальник был уверен, что никакая прибыль не заменит сна по ночам, и был готов инвестировать деньги в самое ценное, что у него было, – собственное спокойствие.

В истинности выражения «с государством нельзя играть в азартные игры, у него все карты крапленые» он был уверен, а потому ни в какие игры никогда не играл. Ни налоговые, ни тем более политические. Да ну их на фиг, себе дороже. И именно поэтому жил безбедно.

Но куда он все-таки девался?

Через приемную прошла, деловито шурша бумагами, главный бухгалтер и финансовый директор фирмы Ирина Геннадьевна Соловьева. Или это не бумаги шуршали, а длинная юбка из тафты, создающая иллюзию, что главбух пинает ногами разлетающиеся осенние листья.

– Ирина Геннадьевна, вы не в курсе, Павел Александрович куда-то уехал? – спросила Вера, чувствуя себя глупо. Вообще-то это ей нужно было знать обо всех передвижениях Молчанского, даже о внезапных. Что-то она в этом отпуске совсем потеряла связь с реальностью...

Про отпуск вообще-то лучше было не вспоминать, потому что был он во всех смыслах неудавшимся. Поездка, предназначенная для того, чтобы наладить пошатнувшиеся отношения с «последней надеждой», окончательно эти отношения разрушила, а надежды похоронила. Там,

на греческом морском берегу, вдалеке от повседневных будней, стало совершенно очевидно то, что было ясно с самого начала – у романа с женатым мужчиной нет и не может быть будущего.

Прекрасный секс под плеск волн был, красивые ужины с видом на садящееся за море солнце были, плавание под белым парусом, огромные креветки на гриле, кулончик из вулканической лавы, прохладный даже на солнце, крепкие мужские объятия ночью были, а будущего не было. И счастья с безмятежностью тоже. Их, как рисунок на песке, смывал прибой постоянного вранья. Вера слушала, как ее любимый врет жене и детям, как меняется его голос, когда он разговаривает с ними по телефону, даже не пытаясь проявить деликатность и выйти в другую комнату, и чувствовала себя врушкой и вертихвосткой. И еще воровкой.

Как-то именно в этом отпуске к ней вдруг пришло четкое понимание, что этот мужчина никогда не разведется. Не бросит жену и детей, не посвятит остаток жизни ей, Вере, и еще ее сыну, который растет без отца и почти без постоянно работающей матери. Не будет решать ее проблемы, не снимет с нее груз постоянного принятия решений. Она была только для постели, а вовсе не для совместной жизни, то есть проходила по шкале женской ценности примерно по тому же разряду, что и ногастая, грудастая и губастая любовница Павла Молчанского. Ну поумнее чуток, ну постильнее, так ведь на вкус и цвет...

В этой мысли было что-то настолько унижительное, что сразу по возвращении, а точнее, в зале аэропорта,

– Это же чушь какая-то! – воскликнула Вера и все-таки вырвала руку. – Не может он пить. И Светлана от него уйти не может. Они двадцать восемь лет вместе прожили. С чего ей вдруг уходить-то?

– Так любая бы ушла, – печально и чуть торжественно сказала Ирина Геннадьевна. – Ей фотографии по почте послали. А на них Молчанский со своей кралеи в разных видах и позах. Такое непотребство с ней выполнял, что тьфу, смотреть стыдно. Ну жена, как увидела, так вещи собрала и из квартиры съехала. Благо недвижимости у них достаточно. По гостиницам ютиться не нужно.

– А дочь? А сын? – Вера спрашивала механически, потому что никак не могла осмыслить сказанное.

– Дочь с ним теперь знаться не хочет, трубку не берет, когда он ей названивает. А про сына ничего не скажу, не интересовалась. Хотя, если хочешь знать мое мнение, сына он проворонил.

– Бред какой-то, дичь дичайшая, – почему-то шепотом сказала Вера. – А вы откуда знаете, что на тех фотографиях было? Неужели вам Павел Александрович показал? Или Светлана?

Главбух с жалостью смотрела на нее, как на убогую.

– Да зачем же мне нужно, чтобы они что-то показывали? – воскликнула она. – Если фотографии эти на все почтовые адреса компании в одночасье пришли! В среду это было, утром. Разом все компьютеры накрыло. Молчанский-то аккурат на работу приехал. В кабинете засел, почту открыл – новое сообщение и «звякнуло». Вам письмо, типа. Ну, он первый и увидел. Там в копии-то адреса всех

сотрудников «М-софта» значились, а основным адресатом жена Молчанского стояла. В общем, он тут же дал команду сисадминам служебные ящики вычистить. Красный был, насупленный. Оно и понятно, такой срам всем на потребу выложили. Службу безопасности науськал, чтобы вычислили отправителя, а сам домой поехал. Да только поздно. Не простила его Светлана. Да оно и правильно.

– А безопасники что? – спросила Вера. – Вычислили, кто письмо послал?

– Так как же это вычислишь, если оно с «левого» ящика послано? Кто создал? Когда? Разве ж установишь?

– Ну при желании установить все можно, – нетерпеливо возразила Вера. – Уж IP-адрес, с которого письмо послано, точно.

– Так наш это IP-адрес. – Ирина Геннадьевна пожалала плечами. – Письмо послано с одного из компов «М-софта». Ну и что это дает?

Вера внезапно почувствовала, что от обилия информации у нее кружится голова. В ее картине мира никто из сотрудников компании не мог настолько ненавидеть Молчанского, чтобы отправить подобное письмо его жене. Что-то не сходилось, или картина мира сдвинулась окончательно и безвозвратно. Терять тот уютный и доброжелательный мир, в котором она работала, было горько, но предаваться горю было совершенно некогда.

Молчанский, находящийся в запое, грозил обрушить мироздание навсегда и похоронить под его обломками не только Веру, но и весь коллектив, а значит, мир, и Молчанского вместе с ним нужно было срочно спасать.